

12+

ОЛЬГА ЧЕСТНЫХ
ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО

Ольга Александровна Честных

Черно-белое кино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56282950

SelfPub; 2020

Аннотация

Все, что перестало быть настоящим, автоматически становится прошлым, принадлежностью фотоальбомов и черно-белых любительских фильмов. И мы спешим вперед, оставляя за кормой драгоценные воспоминания. Только на редких привалах достаем их из коробочки, рассматриваем, любовно сортируем и складываем на место – до новых времен, до правнуков, до будущего. У каждого сокровища свои – и в этом черно-белом фильме прошлого спрятаны яркие мгновения, защиты голоса людей, мелькают лица, проглядывают события...

МЕЧТА

Сын спросил:

– Мама, а какая у тебя мечта?

Год назад я бы сказала, что у меня их тысячи, а сейчас с ходу ответила:

-Написать хорошую книгу, чтобы её напечатали и сняли кино.

– Оо, – восхитился сын, – а что потом?

– А потом... Стать знаменитой, богатой и купить бабушке дом у моря. И, может, и нам тоже.

В детстве я рассказывала себе сказки.

Да, прямо вслух, прямо сама себе и часто прямо на улице.

Бормотала-лопотала и была счастлива.

Однажды, увлекшись сюжетом, случайно подняла глаза и осеклась, поймав удивлённый взгляд случайного прохожего.

С этих пор я бормотала с некоторой оглядкой.

А потом, спустя много лет, я вновь приехала в город моего детства и, идя по улице, увидела девчонку.

Она шла и вслух себе что-то рассказывала!

Я сразу забыла обо всем, что грузило, мешало и тянуло вниз.

Жизнь продолжается! Я такая не одна.

Смена растёт. Круть! Ностальжи. И так далее.

А в последнее время начала задаваться вопросом.

Что приносит мне счастье?

Я счастлива, когда обнимаю своих любимых, когда играю с собакой и – папаамм! – когда пишу.

Мечты сбываются. Правда.

И каждый наш день – это шаг.

Шаг к мечте.

ЙОГА

– Предъявите документы!

Суббота. Шесть утра.

На кольце Антонова-Овсеенко в это раннее утро уже бдрили стражи дорожного порядка.

Шурша этническими штанами, я понесла документики на погляд.

Вообще быть духовным – это круто. Это модно сейчас, я б сказала.

Море возможностей волнуется и готово сожрать тебя в

волнах марафонов и ретритов.

Грешна, тоже ищу себя на пыльной дороге жизни.

Ползаю, чихаю, всматриваюсь в следы. Рыскаю по всем окрестностям.

Для меня это лучше, чем каждые выходные пить пиво и смотреть телевизор, так что я заточилась на духовные практики.

Пришла на динамические медитации у хорошо знакомого мастера, прекрасной и очень крутой женщины.

Медитации – это.... Нет, ничего не скажу, для каждого свое.

У меня сбор в 5.50 каждый день три недели.

Выколупываясь из теплого одеялка, с долей светлой за-

висти оглядывая спящих домашних, натягиваю медитационные одежды и вперед, к машине.

Навстречу осознаниям.

....Посмотрев мои документы, сержант внимательно сканировал мою утрешнюю невыспатую физиномию и вкрадчи-во поинтересовался:

– Выпивали?

-Что вы, я уже два года вообще не пью!– мое честное признание только усилило подозрения.

– Я на йогу вообще еду!– дополнила я образ городской сумасшедшей.

Упоминание всуе динамической медитации могло меня вконец задержать, а я и так уже опаздывала.

Лицо сержанта вытянулось, перекопилось, он подозри-

тельно хрюкнул и стал немножко оседать набок.

-Да, я та ненормальная женщина, которая в субботу в шесть утра ездит на йогу.

Вы можете меня запомнить, я действительно существую!

Видимо, мне очень хотелось произвести неизгладимое впечатление.

Давясь от хохота и продолжая оседать, сержант сипло пожелал мне счастливого пути и я зашуршала к машине.

Да будут благословенны стражи дорог!

Еще ни разу не встретила я среди них злых, жадных, циничных персонажей из анекдотов.

Как добрые деды Морозы, они заботливо спрашивают, есть ли у меня страховка, не было ли штрафов в последнее

время, и желают счастливого пути!

Прошу, пусть так будет всегда!

ЖЕНА ДЕКАБРИСТА

До чего же время – каверзное измерение!

И все-то им проверяется, и все-то им лечится!..

Вот ряженка. Проверяется просто. Пять дней – и все, просрочка.

Через пять дней можно с легким сожалением выбросить.

Или попытаться вылечить и пустить на блины.

С миром – все глубже...

Вот дружба. Вот есть дружба, которая проверяется временем.

По-разному проверяется, надо сказать.

То участники этой дружбы годами притягиваются – оттапливаются, теплеют – холодеют.

А потом рраз!– и разлетаются в разные стороны. И тишина.

И болит, и временем не лечится.

А то в дружбе проходит год-три- пять-десять.

И ты благодарен за это ровное тепло. За спокойствие ваших миров.

Это как широкая река.

Катит волны свои, а над ней катит волны свои время.

Кошка Муся, жившая у свекрови – была цельная личность.

Она могла заплыть на середину озера, где в лодке плыл

ХОЗЯИН.

Перекусала всех гостей, но никогда не трогала мою дочь.

Миша, приезжая, дразнил ее. Водил перед носом пятерней, пахнувшей табаком (тогда он еще курил).

Муся шипела и замахивалась лапой. Миша смеялся.

В один прекрасный вечер Миша пришел с девушкой и сказал:

– Познакомьтесь, это Лена.

Мы болтали, смеялись, шумели, и не сразу услышали тоненькое «Спасииите!» из кухни.

Картина была маслом.

На кухонном столе, сжавшись, пряталась Лена.

Снизу, злорадно сверкая зелеными гляделками, тянула когтистую лапу Муся.

Вот так ярко Лена вошла в нашу жизнь.

Лену сняли со стола, Муся с достоинством удалилась, кивнув через плечо. Мол, в следующий раз сочтемся.

Эта полурусская голубая безошибочно вычислила женщину своего обидчика и пошла мстить.

Эта девушка была такая нежная и добрая, что не смогла навалить кошке.

Однажды Лену унесла по гололеду мастина неаполитана.

Когда я эту мастину впервые увидела, я поняла, что при всей любви к большим пёселям – такую никогда не заведу!

А Лене дали поводок, сказали – поддержи минутку – и через минутку Лена уже летела за неаполитаной на другом конце поводка в другом конце микрорайона, молясь, во-первых, чтобы не отказали каблуки, а во-вторых, чтоб только не лицом...

Пятилетка следующая, картина маслом очередная.

Лена и Миша в отпуске и посему действие разворачивается у моря.

У моря-таки предлагают джипинг и прогулки на лошадях.

Джипинг – это как американские горки.

Только над пропастью и без страховки.

Говорят, если человека сильно испугать, ему не нужен отпуск, так быстро организм восстанавливается во время испуга.

После джипинга отпуск Лене теоретически не мог понадобиться еще лет пять, а во время джипинга Лена успела поверить, что отпуска в ее жизни больше не случится никогда.

На лошадях инструктор объяснил простое правило.

Лошадь в гору – наклоняешься вперед, к коняшке.

С горы – откидываешься назад.

Когда движение началось, Лена испытала ряд инсайтов.

Во-первых, лошади не шли, а бежали.

Они неслись вперед, словно инструктор кусал их сзади.

Во-вторых, откидываясь на спуске назад, можно было лицезреть и особенно ощущать на своей физиономии низко растущие ветви деревьев.

Все это напоминало фразу из детской сказки «Вот ветки хлестали-хлестали, да Бабе Яге все глазоньки и выхлестали»

Только это была не сказка, Лена – не Баба Яга, а глаза – вещь вообще необходимая. Особенно такие красивые.

Третий инсайт гласил, что лошадь – не трамвай, на остановке не выйдешь. Посреди гор не освободишь плацкарту.

До конечной, мадам, до конечной!

После такого многостороннего единения с природой отпуск... ну вы понимаете. Удался.

А знаете, что удивительней всего?

Лена осталась прежней. Доброй, нежной, ласковой.

И муж жив. Даже ни разу не пострадал. Хеппиенд короче.

ЛЕД

Я очень боюсь ходить по льду.

Кажется, один мой тяжёлый шаг – и здравствуй, Астрахань.

Я через Волгу-то первый раз осознанно прошла только этой зимой.

Дальней зимой Антон с Любой позвали нас с мужем на остров.

Минус 27, январь.

Взяв с мужа тридцать три обещания, что все будет хорошо, меня спасут из любой полыньи и откачают, я скрепя сердце собралась.

Мы шли двумя семейными парами по Самарке, а за нами ехали саночки с коробкой.

Что сказать?

Моё сознание расширилось. Практически треснуло по шву.

Во-первых, на льду под снегом была вода.

Я немедленно решила, что мы почти в полынье.

Ан нет. Рано голосила.

Видите ли, водохранилище подтапливает.

Калоши с моих валенок не хотели идти с этой трусливой женщиной и по очереди оставались в воде.

Поход превращался в мультик про Золушку – муж то и дело возвращался с моей калошечной туфелькой.

Во-вторых, у берега я увидела поистине инопланетное зрелище.

Мужики на стульчиках, запакованные в полиэтиленовый вигвам.

Это они так сохраняют тепло, сидят все-таки неподвижно часами.

Чесслово, на моей улице так никто не тусуется. Даже по пятницам.

На острове нас встретил девственный снег.

Мы минут сорок топтались в сугробе, создавая себе площадку под шашлык.

Выкапывали из-под снега заледеневшие ветки.

Представляете, все сработало, костёр загорелся, словно жарким летом.

Вот что значит настоящие мужчины.

Ещё одним открытием для меня было, что холодной зимой я сижу на санках и не мёрзну.

Более того – не пьянею.

Но. Стоило встать на зов природы, как матушка-земля накренилась и сделала попытку меня сбросить.

Призвав на помощь всю свою волю, я добрела до берега и слилась с природой.

Уединившись для недолгой медитации, я записывала в память эту ледяную равнину, низкое спокойное небо, идуших в трех метрах от меня рыбаков...

Что? Неловко, но они действительно шли по льду, разрушая мое единение с зимним небом и рекой, и лица их были суровы и непроницаемы.

Словно говорили – что мы, женщин в сугробе не видели? Иди уже на остров к мужу.

Обратный путь наших семей усложнился.

Теперь терялись не только калоши.

Из четверых на ногах оставались максимум двое на узкой тропе, по которой мы так свободно и широко шагали всего несколько часов назад.

Санки с коробкой гремели, когда кто-нибудь падал.

На узкой тропинке мы раскладывались в разные стороны веером как карты в пасьянсе.

Да уж, стоило пережить такое приключение, чтобы сложить в копилку памяти для будущих внуков ноздреватый подтопленный лед, убегающие калоши, рыбаков в чехлах и невозмутимое небо над всем этим безобразием.

ТО МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Я ехала в поезде, далеко-далеко.

Лето, каникулы. Родители сидели в купе, читали книжки,

дети слонялись по вагону.

Перед тамбуром было открыто окно и я в него радостно высунулась.

Солнце, небо, бескрайние поля...

Во мне все прям захлебнулось от восторга.

Мне 9 лет, разгар советского детства, патриотических лозунгов, стихов, песен.

Пионеры-герои, Артек, строительство светлого будущего.

Тема патриотизма был загнана под кожу сразу при рождении, как первая роддомовская прививка.

Со всех печатных страниц она смотрела в глаза гражданам, призывно и настойчиво.

Мы с детства гордились, что живём в такой крутой и пра-

вильной стране.

Искренне гордились и даже мечтали о каком –нибудь подвиге.

Вот и в поезде меня накрыло.

Ээх, моя земля, моя страна, моя Родина...

От счастья я начала даже что-то петь.

Мы проезжали деревню.

На насыпи сидели мальчишки.

Я помахала им.

Как же, это Ж практически родные люди, мы живём в одной прекрасной стране!

Мальчишки кинули мне в лицо огрызком от яблока.

И почти попали.

Мы не совпали в своём звучании.

Вряд ли они могли догадаться, какая симфония звучала в девочке из поезда.

Проверили свою меткость.

Смешно.

Следующий огрызок прилетел в перестройку.

Прилетел из гораздо более далёких и вышележащих мест, и урона было безразмерно больше.

Несколько лет подряд ругали все, что только можно.

Ругали, разоблачили, развенчивали.

Стало немодно жить в России, и модно – валить куда подальше, желательно в Америку.

Согласно этой логике получалось, что нынче в России живут оголтелые коммунисты, воры и лохи, которые либо глупые, либо нищие, и поэтому неспособны на решительные действия.

Остальные "умные люди" типа смогли выбраться из стрелы.

Я, конечно, утрирую.

Был самый возраст максимализма, и запомнились именно эти моменты.

Мир в одночасье сошёл с ума и у нас всех произошла потеря кукушки.

К кому-то она вернулась, к кому-то – увы...

Я люблю читать. Очень люблю мемуары.

Яркие необыкновенно воспоминания эмигрантов, истории русских людей, которые в свое время сбежали, спасая себя, от революции, войны, неизвестности в неизвестность чужой страны.

Людей, которые жили за бугром и одновременно не жили.

Людей, которые жили там хорошо и с удовольствием.

Людей, вернувшихся на Родину и принявших испытания своего времени.

Ностальгия есть, и они действительно тосковали и хотели домой.

И многие жизнью заплатили за свой выбор.

У всех красной нитью – любовь.

Любовь, Карл!

К стране своей, к земле – любовь.

Когда понимаешь – ну вот так, есть косяки, пороки, болезни в любимом существе, но это неважно, потому что выбор сделан и это любовь.

Настоящая и безвозмездная.

И патриотизм – это не лозунги и транспаранты, не военные шеренги.

Это любовь к тому месту на Земле, где живёшь.

И мы поистине не ведаем, что творим, когда засираем это самое дорогое по сути место.

Ведь не выбросишь маме родной в карман халата обертку от чипсов или бутылку от минералки.

А на улице вроде как можно?

Но так будет не всегда. Я в это верю.

На самом деле эта любовь живёт во всех нас. Просто не все её замечают...

ПИАНИНО

Недавно я сделала это.

И даже сорока лет не прошло...

Я невзлюбила играть на пианино лет с 11 примерно.

Любой ребенок, хоть когда-нибудь учившийся в музыкальной школе, меня поймет – потому что хоть раз обязательно испытал это на себе.

Занятия музыкой – не фантики, в них очень много рутины.

Ты идешь в музыкалку через двор, где беззаботно носятся твои одноклассники.

Вечером тебя пустят проветриться минут на 30, потому что плюсом к урокам идут уроки музыкальные.

Все планы корректируются вопросом – а ты сегодня занималась?

И, когда ты садишься за инструмент, сразу обостряются все защитные функции организма, и ты хочешь пить, писать, есть и спать, причем одновременно и очень сильно.

Школа, книги, музыкальная школа. Получается, что ты все время сидишь по комплексу причин. И от этого твои личные комплексы начинают разрастаться.

А еще – ты вырастаешь. И неожиданно выясняется, что в тебе маловато сходства с прекрасной грациозной лебедью, зато много – со свежесдобитой плюшкой. Этакая мисс дрожжи.

Как отягчающее – ты всю жизнь мечтаешь танцевать, но тебя туда не берут.

Однажды я, уже в старших классах, прорвалась на хореографию в местный ансамбль и с бьющимся сердцем заняла место у станка.

Свою сосископодобную длань, в смысле ногу, выше 15 градусов поднять и удержать мне так и не удалось.

Нога тряслась мелкой дрожью, потому что обильный холодец в ней был, а вот мышц – не было.

Да и в ансамбле не оказалось мест для батончиков с холодцом.

У меня еще были очки. Пластмассовые, советские, с толстыми стеклами, превращающие меня в сову на пенсии.

Девчонки из класса уже всюду гуляли с пацанами и повышали эмоциональный градус своей личной жизни.

Мой же эмоциональный градус рос в связи с растущей сложностью сонат, багателей, инвенций.

Стоит ли говорить, что мои родители слышали всё – уйду из дома, сброшусь с балкона, не хочу туда ходить?

Мама изрекла: получишь свидетельство об окончании музыкальной школы и делай что хочешь. Принципиальная позиция. Потом еще спасибо скажешь.

Чтоэээ?? Ясен пень, я надулась от возмущения и проверещала, что никогда это слово в данном контексте не прозвучит.

Мама мечтала играть на фортепиано.

У нее не было инструмента, а ближайшая музыкальная школа была далеко. Мама ездила туда на автобусе.

Однажды зимой автобус захлопнул двери и поехал, зажав

мамино пальтишко и потащив ее за собой. Ей было очень страшно.

Музыкалку она бросила.

Музыкалку закончила я...

Наверное, это любимые грабли всех родителей – то, что отцы не допели – мы допоем, то, что отцы не достроили – мы достроим...

Поэтому дочку я отдала на танцы с твердым убеждением, что девочка – это в первую очередь красота и грация.

И теперь время покажет – что у нее была за заветная мечта, о которой не узнала я.

А еще иногда мой инструмент служил миротворцем.

В классе был период моего противостояния с мальчишками.

Перемирие наступало на переменах в классе, где стояло пианино.

Звучала фраза «Лукьяшка, сыграй», и я играла. И меня слушали.

Сила искусства!

Я получила свидетельство об окончании музыкальной школы и... пошла в музучилище, а дальше – в институт.

Мои пианистические ручки – притча во языцех в моей семье.

Я развязываю туго затянутые узлы, открываю тугие крышки и иногда ломаю пальцами хрупкие вещи китайского производства.

А однажды оторвала козырек над дверью в газельном салоне.

Потому что водитель поехал, а я не успела сесть. И получилось, что цепкость – моя сильная сторона, обернувшаяся для газелиста убыточной кармой.

Моя работа связана с музыкой и моим инструментом.

Но только недавно я поняла, какая на самом деле я богатая и счастливая – музыка, инструмент, творчество.

И я сделала это.

Я позвонила маме, уже из другого города, и сказала:

– Маам. Я думала, что никогда это не произнесу. Но я это говорю.

Благодарю тебя за то, что ты тогда настояла! и я – музыкант.

ЦЕЛУЮ ВАШИ РУЧКИ

Вот интересно все-таки.

Каждый человек – мир на нашем пути, неизбежно приносящий что-то и в наш мир. Вопрос – что же этот мир к вам приносит.

Я ехала домой лет пять назад.

Район наш тогдашний, спально-новостройный, местные участковые педиатры нарекли Шанхаем за огромное количество детей и беременных мамочек.

Открою не секрет: новые дома – это не только дети, беременные женщины и молодые семьи.

Потому что когда много амбициозных молодых людей одновременно покупает квартиры в новых домах, то парковаться и разъезжаться в новом районе – отдельная песня...

Кто любит экстрим – рекомендую. Остальные уже кивнули.

И почему-то дорога к этим молодым, высоким, оптимистичным домам сияет потрясающими воображение ямами, колдобинами, просевшими бордюрами, колеями, продавленными камазами во время строек...

И когда ты крадешься в сторону дома, лавируя между выбоинами и уворачиваясь от ошестинившихся боковыми зеркалами припаркованных с разной степенью адекватности авто, тебе порой хочется спеть: эх, дорожка фронтовая...

А тогда навстречу мне попала машина.

Глянув по зеркалам, габаритам, и по бортовым компьютерам интуиции, и поняв, что нормально прохожу и шоколадно разъезжаю, я с энтузиазмом прошуршала пару метров вперед.

Из открытого окна встречной ласточки тут же понеслась бодрая мужская речь:

– Ты пиии пиии пиии куда пиии пиии пиии баба пиии пиии....

Короче, в мой мир пришла новая лексика.

И вот знаете, бывают прецеденты на дороге, напряженные ситуации, адреналин и все такое.

Риск для здоровья, опасность для кузова, потерянное на ожидание ДПС время.

Но здесь – как бэ белый день, скорость меньше 20км\ч и 15 см между нашими зеркалами...

Восхитившись умением впихнуть в метр дорожного по-

крытия и три секунды времени десять страниц запиканного лексикона, я поехала дальше.

Ехала и вздыхала.

Вот раньше... Веков на парочку этак. Мужчины говорили – сударыня, вы очаровательны! Целую ваши ручки!

А сегодня – пи пи баба?

Мужчины прямо сейчас, логично, весомо, резонно возразят, что не было тогда машин, не говоря о ба... женщинах за рулем!

Уже и чей-то тапок прилетел.

Но знаете, мужчины, я все равно в вас верю.

Я просто знаю, что рыцари в вас никуда не делись, несмотря на то, что идут века.

И если в следующий раз кто-то сдержится и не обматерит очередную сударыню, то, может, и слова мои написаны не зря...

Широких нам всем дорог, милостивые судари и сударыни!

ПДД нам всем в помощь!

ПЕРЕДАЧА

Однажды нас занесло на телевидение.

Мне там очень понравилось.

Снималась передача о семье, и все в студии завораживало.

Там свой язык, свои правила. Свое маленькое государство.

Кажется, все там владеют тайной информацией, говорят по-абракадабровски.

Нам объяснили, что за чем идёт, сняли какие-то планы и процесс пошёл.

Речь шла о семейных ссорах.

В сюжете показали очень милую и спокойную творческую семью.

Мы не ссоримся, мы договариваемся, сказали они.

Замечательные, ровные, улыбчивые.

А потом дали слово талантливому актёру.

И он сказал, что в его семье, как только начинается выяснение отношений, он берет собаку и уходит гулять.

Потому что эмоций ему хватает на работе.

И действительно, в театре столько эмоций, что, наверное, дома хочется только медитировать и говорить полусшепотом.

И за плечами этого талантливого мужчины уже был один неудачный брак, когда двое не совпали и равновесия не получилось. Даже в ссорах.

И у него уже была вторая жена.

И он нахмурился, когда я предположила, что в ссоре есть

некая театральность.

Не зря же ссора называется сценой...

И выступали два психолога, дяденька и пожилая тётенька.

И священник был, очень позитивный и спокойный.

А мы пришли подготовленные. Потому что накануне как раз ссорились. Сильно.

Такое случается раз в год где-то, и то не каждый год.

Я собиралась умничать.

Но, оказывается, под камерой мысль путается и её лучше крепче держать.

А ещё мы категорически не подходили под семью из сюжета.

У нас эмоциональная семья и кричать умеют все, включая детей.

И мы шумим, бывает. Громко бывает.

И на этой замечательной съёмке звучали разные высказывания, но никто не спорил и не лез в драку, все делились.

Я поделилась тем, что человеку иногда важно выговориться и даже проораться, а потом так же важно поосознавать, что же это было и что можно с этим сделать.

После съёмки я зашла в кабинетик за сумкой.

Там все пили кофе и меня поманила узловатым пальцем женщина-психолог.

– Хотела вам сказать – и погрозила мне пальцем, – вот вы ссоритесь... опасная гастроль!

И не стала слушать про дедушку с бабушкой, проживших душа в душу много лет, и тоже, о ужас, порой сильно ссорившихся.

Однажды бабушка, выведенная из себя, ворчливо выкрикнула:

– Вот как ты жить будешь, когда я помру!

А дед с грустным достоинством парировал:

– Нет, это как ТЫ жить будешь, когда меня не станет!

И оказался прав, и ушёл первым.

И теперь он смотрит на бабушку не из кресла, а с серванта из траурной рамки.

А любовь их осталась по-прежнему жива...

Нет, сказали мне, раньше разводиться было нельзя, поэтому люди собачились, страдали, даже ненавидели друг друга, но жили вместе и строили светлое будущее.

Меня все это царапнуло.

Из участника дискуссии я превратилась в неврастеничку

с диагнозом.

Категорически не хочу жить прилично и культурно, во взаимном уважении.

Но, к сожалению, я не могу копить и давить в себе эмоции и делать приятное лицо, когда плющит и колбасит.

Вернее, могу, но рискую здоровьем.

Всем нам в детстве повторяли, что нехорошо быть злым и вредным, а надо бы улыбаться и махать.

И мы выросли людьми, не умеющими разбираться со своими эмоциями.

Но мне повезло. Я имею счастье жить с человеком, с которым могу быть собой.

И крикнуть могу, и заплакать.

И вывести из себя.

И он может. Однажды я качала права, пока он не сломал пополам швабру об пол.

И я заткнулась и пошла вытирать пыль.

Потому что любовь для меня – это о том, что вы вместе – такие, какие есть.

Это о том, что когда больно и штормит, от тебя не отвернутся брезгливо – фу, она (ну или он) не умеет выстраивать отношения, не уважает-не ценит-продолжите сами – а тебе подставят плечо.

Разделят с тобой этот шторм и останутся рядом – потому что вы вместе.

И простят тебя, даже когда ты вонючка и дракон.

О том, что в нашей жизни все безвыходное и бесповоротное придумываем мы сами

О том, что все мы люди, и редко получается идеальная картинка жизни.

Чаще в инстаграмм, чем в реале....

А дяденьку- психолога, кстати, долго крутили, вертели, пытали в эфире, старались уточнить, что для него хорошо, а что плохо.

А он сказал только, что даже после двадцати встреч ничего не сможет знать наверняка, потому что жизнь не делится на чёрное и белое, и все зависит от человека...

Все зависит от человека.

Идти, строить, ошибаться, орать и снова строить.

И любить, конечно.

СПАСАЯ МИР

Я ставила машину на ночь.

После работы, в ночи забрав детей от бабушки.

У соседней "свечки", что прямо под нашими окнами.

Местечко нашлось, но тесное, коротенькое, и пришлось повозиться на моей Калине, чтобы как-то уместиться.

Я елозила туда-сюда между машинами, устраиваясь поближе к бордюру, а за мной наблюдала какая-то незнакомая мне компания.

Заглушила, вышла, достала детей из салона, и тут...

От компании отделилась женщина и сказала:

– Скажите, вы живёте в этом доме? — и кивнула на свечку.

– Нет, в этом, – ответила я и кивнула на свой подъезд.

– Тогда уберите машину, – потребовала женщина.

– Не уберу, – сказала я, – и с детьми сейчас по ночи не буду место искать.

С завтра не буду здесь ставить, а сейчас- извините. И потом, вы могли сразу подойти и спросить, я б тогда не корячилась и уехала. А сейчас—позднЯк.

— Нет, вы меня не понимаете! — заволновалась женщина, — мы здесь уже три часа дежуриМ, охраняем парковку от чужих!

— Поставьте шлагбаум, — посоветовала добрая я, — не надо будет охранять.

В нашу милую беседу вмешался меланхолический мужчина.

— Девушка, — начал он, не обращая внимания на зевающих и мнущихся рядом ребентосов. — Вот я бросил машину на дороге из-за таких как вы. Идите, бросьте свою взамен моей.

— А какая у вас машина? — заинтересовалась я.

— Мицубишу паджеро спорт, — насупился мужик.

— А я влезла в место для Матиза. О чем речь? Вы впихнете свой джип сюда?

— Нет, вы посмотрите, — пуще прежнего волновалась жен-

щина, – вы не понимаете? Я вас не понимаю!

– А я – вас, – ответила я. – Я стою тут в ночи, с детьми, уже много времени и очень хочу спать. Завтра я все пожелания учту. Спокойной ночи.

– Мы вызовем эвакуатор! – вскрикнула дама и схватилась за сердце.

Дома мне стало смешно.

Вместо того, чтобы поить мужа чаем, слушать новости детей, позвонить родителям или готовить вкуняшки для любимых, эта наверняка очень ответственная и заботливая женщина охраняла парковку для того, чтобы посторонние мужчины не переживали о том, что на дороге одиноко плачет их джип...

Воистину горящие избы и кони наше все.

Но знаете. Все, что мы видим, говорит только о нас.

И регулярно я лично ловлю себя за руку именно на этом стремлении – спасти мир...

И тогда, покраснев от неловкости и наверстывая время, потраченное "мимо кассы", бегу готовить, мыть, любить, слушать и заботиться.

И бэтменская шапка в углу шкафа ложится ждать своего очередного часа.....

ТАКОЙ ЖЕ

Человек – не робот.

Он не может вечно улыбаться и махать, даже если это супер-мега-солнечный человек.

Приходят моменты, когда тебе грустно, когда ты злишься, не можешь собрать себя в кучу, когда тебя не слышат и не понимают, и ты не знаешь, что со всем этим делать.

Когда то, что казалось прочным и ясным, расплзается под пальцами.

Когда тонешь в вязком мареве серого дня и пытаешься нащупать точку опоры,ловишь носом попутный ветерок в надежде на глоток свежего воздуха там, где тебе его мало.

Когда не сразу можешь понять – откуда и, главное, для чего?

С одной стороны, это жизнь. На любой рассвет есть свой закат, морозы и жары сменяют друг друга, без печали нет радости и добавь еще чего хочешь сам.

С другой – неприятно, правда?

Хочется, чтобы Вселенная чесала тебе пузико, посыпала пылью чудесных цветов и купала в солнечных лучах.

И в голову не приходит, что это тоже цветы и лучи, только немножко другие.

В одной статье прочитала – важно в такие минуты не врать себе, признать все те чувства, которые испытываешь.

И это не о том, чтобы с воплем бежать на ближайшую площадь и там прокричать всему свету о наболевшем.

Это о том, чтобы увидеть в себе еще и несветлые стороны – уныние, гнев, печаль, неуверенность...

И почему-то становится легче от того, что ты понимаешь: ты такой же человек, как и миллионы на Земле. Имеешь пра-

во расклеиться.

В детстве я боялась темноты. Что кокетничать, до сих пор не люблю, но тогда засыпать с выключенным светом было просто пыткой.

Мама и папа подходили с разных позиций.

Мама – с логической, практической.

Говорила – посмотри, здесь никого нет. Был бы кто– светился бы, шуршал, пахнул чем-нибудь.

А так включаем свет – все спокойно, и выключаем – тоже ничего не меняется. Просто не светит лампочка. Спи.

Только представь, говорил папа, сколько людей на этом свете любят тебя, да и не только на этом свете. Даже те, кого ты не помнишь и не можешь знать.

Они любят тебя уже только за то, что ты есть, и любят по-настоящему.

За твоей спиной всегда стоит Ангел-Хранитель, и он никогда не спит.

Неужели ты думаешь, что они все вместе дадут тебя в обиду?

Они защитят тебя даже в минуту сильной опасности, не говоря уже о комнате с выключенным светом...

И в жизни действительно случались опасности, когда я чувствовала незримую поддержку.

И сейчас, если мне плохо, я думаю о тех, кто меня действительно ЛЮБИТ.

Они есть. Их много. И становится легче. Ведь я их тоже люблю.

ВЫБОР

Одна моя приятельница при встрече всегда говорит, придирчиво рассматривая меня:

– Ты никак поправилась! И волосы поредели, совсем сожгла ты их краской.

Я улыбаюсь и молчу. К счастью, мы видимся редко.

Это то, что называют токсичными высказываниями.

После них ощущение, что вместо вкусного чая ты выпил обойный клей.

Есть те, кто, оказавшись у меня в гостях, начинают задавать вопросы с пристрастием – почему линолеум светлый, а шторы в сеточку и почему я не сделала другой пол, другой стол, другой ремонт... далее следуют варианты.

И вроде бы ничего человек плохого не делает, проявляет любопытство.

Но чувствуется напряжение, и губы как-то поджаты, и глаза прищурены...

Раньше старалась добросовестно все объяснить и вообще считала, что можно создать коммуникацию с любым человеком.

Больше аргументов, больше подробностей.

И тогда сразу убедю. Убежу. Убежду.

И вот нет. Так стоит ли объяснять?

И здесь вопрос не в том, что мы живём в стране советов и бесцеремонного влезания в личное пространство. Мнений и суждений.

Если я вижу это часто, начинаю задумываться.

А. Я сама поражена этим вирусом.

Значит, тоже осуждаю, лезу не в свое дело, токсичничаю.

Кормлю других своими суждениями направо и налево

Б. Пора чистить окружение. Искать своих.

И смысл переделывать мир? Он такой, какой есть.

Близкие по духу, светлые, смелые, добрые и щедрые, простые и лёгкие для меня люди существуют.

Рядом с ними хорошо.

На фиг сидеть, как в муравейнике, с теми, с кем плохо?

В. Это о том, что границы в опасности, и настала пора сказать "всем в сад!"

Г. Если люди токсичны, это не значит, что я не могу их любить. Издали.

Д. Замечено: Чем больше я недовольна собой, тем больше недовольна другими.

Чем больше времени впустую, тем больше вокруг нерях, воров, бездельников.

Пока я осуждаю других, моя собственная жизнь никак не

меняется.

Я не становлюсь выше, принижая этот мир.

Тогда на фига тратить на это силы?

Пора заняться собой.

Ну и крайнее. Выбор есть всегда. Что я выбираю видеть?
В своей жизни?

И кто решает, в какой позе лучше наслаждаться этой са-
мой жизнью?

Время-то наслаждения – лимитировано...

ОТ СВОЕГО ЛИЦА

В моей жизни было две реанимации.

Реанимации моих детей.

Первая – сутки, когда мы, не зная, куда себя деть, слоня-
лись по дому и в конце концов ушли в магазин, где в оцепе-

нении покупали какие-то вещи...

Вторая – трое суток, где показатели ухудшались.

Потом, наверное, была одна из самых страшных ночей в моей жизни.

В ободранном боксе инфекционки, вдали от людей, в темноте и страхе.

Так вот. Как я была благодарна за то, что эта страшная ночь закончилась и наступило утро!

Что мы просто живы...

Знаю, что есть много кого с багажом пострашнее моего, но могу говорить только от своего лица.

Мы видим только то, что у нас забрали, и не замечаем того, что у нас есть.

Мы думаем о потерях, не видя своих реальных сокровищ.

Ну не дураки ли? А ещё пыжимся, тужимся, а сами руки мыть как следует не научились за тысячелетия истории, не

говоря уже о чистоте мыслей.

Что выбрать? Делать вид, что ничего не происходит?

Или собирать информацию, анализировать, вникать?

Или поугнетаться до потемнения ауры?

Или, может, поблагодарить за каждый подаренный день Жизни Того, к кому всегда обращаешься, будь то православие, ислам, или ещё что-то необъяснимое с точки зрения банальной эрудиции?

Откуда нам знать, что будет завтра.

И, если оно для нас наступит, может, логично поблагодарить за подаренный день Жизни ?...

ПОЛЯНА МИРА И ДОБРА

– Сходим, посмотрим? – спросила меня Наташка.

...В наш до мозга костей застойный город, застрявший в Брежневской эпохе и впавший в перестроечную кому, прие-

хала выставка Рериха.

Это было нечто! Я смотрела и слушала, забывая поддерживать падающую челюсть.

Картины, несущие кардинально иной мир, наполненные символами, учение, о котором рассказывал длинноволосый, как хиппарь, экскурсовод – шаблоны рвались невероятно.

Как будто бы ты сидел-сидел перед телевизором в старой заношенной пижаме, – а тебя вдруг перенесли в горы, предварительно окунув в водопад и посыпав звездами, и предложили переодеться...ну, не знаю, в кимоно.

Или в суфийское платье. Или в красочный восточный наряд.

Еще и музыку включили – практически неземную. Медитативную.

Тут же образовалось городское общество Рериха, продающее книжки, ведущее занятия и организующее встречи.

И даже поляна была – рериховская.

И, быть может, она так там до сих пор и осталась.

На поляне происходило интересное.

Там собирались люди, давалась информация...

О ней говорили с придыханием однокурсницы, ходившие на лекции в общество Рериха и бывающие на той поляне.

Вот про поляну-то и был наш разговор.

– Ну что, идем или нет? – повторила Ната.

Воскресным ранним утром, когда все человечество сладко спит, и я тоже в-общем-то хотела сладко спать, мы тряслись в троллейбусе навстречу неизведанному.

Солнце поливало мир за пыльными окнами.

Оно словно собиралось каждую веточку, травинку и пылинку раскрасить в желтый.

В троллейбусе укачивало и воняло гарью.

Поляна находилась за цыганским поселком в лесу.

Цыганами у нас пугали детей.

Однажды цыганка заговорила меня на три рубля, приличные для меня тогда деньги при стипендии тридцать рублей.

С тех пор я шла мимо юбок и шалей с каменным лицом, собрав рот куриной жопкой.

И сейчас, шлепая по дороге, мысленно нарисовала себе некий юбочно-шалевый блокпост на пути к невиданным чудесам.

Знаете, как выкуп на свадьбе. Позолоти ручку, красавица, тогда и откроется тебе путь заветный к поляне желанной.

Но дорога была пуста, в отдалении виднелись фанерные домики.

Ни шума, ни суеты, ни плясок под гитару.

– Неужели в этих картонных коробках живут люди?? – спросила я Наташку.

– Живут, и еще как, – ответила она, – и детей рожают, и деньги добывают.

Через пять минут мы были на месте.

Поляна оказалась... обыкновенной.

Просто кругляк среди сосен, просторный, покрытый весенней травкой, подмаргивающий скромными лесными цветочками.

И да, там было много людей.

Они ходили такие странные, будто с другой планеты, приветливо улыбались и вежливо говорили друг другу:

– Мир и добро!

После совкового хамства в автобусах и магазинах это было
– очень.

Как будто мы попали в фильм «Кин-дза-дза» наоборот.

Было понятно, что все здесь уже отлажено и привычно
этим непривычным людям.

Под одной сосной дочитывали вслух книжку, под другой
– делились рецептами оздоровления.

Там и сям группки собирались и бродили по всей поляне,
словно в ритуальном танце, расходясь и встречаясь.

Женщины в кустах нюхали и обнимали елки, собирали
травы.

– Вы на бег с медитацией идете? – спросил нас худой бо-
родатый мужик в трениках.

Мы молча кивнули.

Что такое бег с медитацией, я не знала.

Аня из нашего музучилища с придыханием рассказывала, ты как будто выключаешься и незаметно оказываешься уже пробежавшей километров шесть или даже десять.

Как раз эти придыхания меня и зацепили: что касается бега как такового, для меня всегда это был ужас и кошмар.

Тотально сидящая то на уроках, то в музыкалке, то за книжкой, я начинала кросс за здоровье, а уже через минуту это был за упокой.

Задыхаясь, шаркая и цепляясь за мелкие камешки тапками, держась за бок, который тут же начинало колоть, я позорно отставала, а однажды даже ушла с дистанции.

Так что перспектива отключиться и обнаружить себя пробежавшей нехилые километры меня очень даже привлекала.

– Вы по большому кругу или по малому? – уточнил мужик.

Оказалось, малый круг – это три километра, а большой – десять.

Мы выбрали для начала малый.

Его вел другой, тоже бородатый и худой, мужик.

Вообще ведущие там были словно специально подобранные – бородатые, поджарые, хипповатые дядьки в старых трениках и почему-то босиком.

Ни дать ни взять – десант йогов.

Напомню, до перестройки йогой занимались тайком, это было делом наказуемым.

Построившись по парам, как в детском садике, мы двинулись в медитационный путь.

– Представьте, что под вашей левой ногой зажигается зе-

лeный шарик, – вeчал бородатый, лeгко пританцовывая сбo-
ку.

Я представила.

Солнышко начинало подниматься. Становилось жаркова-
то.

Все бегущие были в спортивных штанах и футболках.

Я приехала из другого района приличная, в джинсах и
шерстяной рубашке.

Медитация набирала обороты.

Зеленый шарик, поморгав под левой ногой, заморгал и
под правой.

Постепенно засветились кости голеней, за ними следую-
щие кости в ногах...

Сейчас все позеленеет, – и прибежим, – думала я.

Дорога, обильно поросшая по бокам крапивой, топила в песке ноги по щиколотку.

Сосны любят песчаную почву. Конечно, они же в ней стоят и не бегают.

Я – не сосна. Бежать было дико неудобно.

Старательно представляя, как по мне поднимается свет, загораясь в нужной цветовой палитре, я томила среди бодро пытящих наливающихся светом медитующих.

Вопрос, когда же мы прибежим, звучал во мне все громче.

Но спросить вслух – означало выдернуть всех этих людей из цветного свечения, а это мне казалось нечестным.

Без вариантов: оставалось бежать.

Тут в груди всех нас неожиданно обнаружилась золотая чаша, которая начала наполняться чем-то золотым, изобильным и явно хорошим.

Ща мы ее нальем и прибежим, – приободрилась я и запыхтела старательнее.

Тут же, словно в поддержку, меня ужалила в руку крапива с обочины.

...Наполнив чашу, мы остановились на солнечной поляне, воздев руки к небу.

Меня эта остановка чрезвычайно вдохновила.

Стоять было приятней, чем бежать, и даже поднятые вверх руки не раздражали.

Единственное, что омрачало блаженство – это мухи, которые тут же жаждали вокруг и полезли в потное лицо.

Мы подышали, наполнились еще чем-то живительным, – и, увы, побежали дальше.

Конечно, я уже сейчас не расскажу в деталях, что представляли и в каком порядке, поэтому, пожалуйста, простите мне возможную путаницу...

Солнце светило все жарче, рубашка кололась, песок забился в кроссовки, и уже хотелось пить.

– Поднимите руки перед собой, – призвал бородатый, по-прежнему легко пританцовывая.

Мы явно бежали медленнее его привычной скорости.

Казалось, не будь группы, он бы сейчас улетел стрекозкой сразу километров на тридцать, легко и непринужденно.

...Бежать с протянутыми вперед руками было неудобно.

Чаша уже наполнилась, переполнилась, перелилась через край и облила каждого золотым содержимым, а процесс пошел дальше.

– Представьте, что на правой руке загорается зеленым светом указательный палец! – предлагал ведущий.

Пальцев, как мы помним, пять. Они загорались по очереди.

Сейчас мизинец догорит – и прибежим, – подбадривала себя я.

И вот уже финальный мизинец засветился...и...

– А сейчас светом загорается указательный палец на ЛЕВОЙ руке!– услышала я вдохновенный неумолимый голос.

Чтоб все!.. Ну ладно, загорелся. Потерпим.

Желание наконец прибежать переполняло не хуже золотой жидкости из той медитативной чаши.

С каждой минутой солнце грело все старательнее, мухи жужжали все назойливее, пыль поднималась все выше...

Что-то еще говорил наш неугомонный бородатый поводырь, но все было уже как в тумане.

– А теперь, – неожиданно возвысил он голос, – мы преодолеем препятствие и поднимемся ввысь!

Высью служила насыпь, где щебенка чередовалась с битым стеклом.

Пыхтя, мы карабкались вверх.

Боже, какое счастье, что я догадалась бежать не босиком! – думала я, со страхом глядя на голые ступни лезущих рядом.

Было уже не до желаний.

Щебенка осыпалась под ногами и, того и гляди, вместо вознесения на насыпь могло произойти позорное низвержение в пыль.

На четвереньках я заползла вверх следом за всеми.

Прямо под нами светилась миром и добром поляна с риховцами.

– А теперь – полетели, как птицы! – крикнул бородатый, и, раскинув руки, легко понесся вниз по узкой извилистой тропке, из которой тут и там торчали страшные узловатые корни.

Скорость при этом он развил прямо-таки невероятную.

У меня потемнело в глазах.

Один раз запнешься – и прощай, мозги, в прямом и переносном...

Когда я наконец-то спустилась, то, забыв обо всех приличиях, свалилась на земелюшку под каким-то кустом.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Наташка, – ты вся в пятнышку.

В зеркальце из кармана отразилась моя пухлая потная физиономия, покрытая мелкой красно-белой рябью.

Пережитое отпускало.

Я даже несколько раз улыбнулась и на прощание уверенно произнесла «Мир и добро!»

Кажется, больше я на ту поляну не ходила.

Сейчас никого не удивишь медитациями.

Они россыпью методик и школ рассеялись среди людей и давно проросли обильным урожаем.

И всякий раз, встречая это слово, я вспоминаю ту, первую свою встречу с медитативными практиками.

ЧАСЫ

Вселенная разговаривает с нами.

Причем с каждым она говорит на том языке, который он – понимает...

У меня упали часы. Упали со стены на комод и даже не раскокались.

Другой бы и не заметил. Но не я.

Я из тех, кого пустое ведро или рассыпанная соль выбивают из тонуса дня на два.

Кто плюется через левое плечо, крутит пуговицы, читает сонники и видит знаки на каждом шагу.

Так что я встrepенулась и пошла гуглить в поисках информации.

Знаете эту шутку? Раньше люди были начитанные, а нынче – наугленные? Это про меня – и то, и другое...

Гугл не подвел – было найдено четыре версии.

По первой падение часов – внимание – было к войне.

Якобы перед Великой Отечественной наблюдалось массовое падение часов в деревнях.

Интересно, откуда взялись такие исторические данные?

И кто вообще мог вести статистику и фиксировать эти самые данные в деревнях, где каждый колхозник был по горло занят тяжелым трудом?

Им же, поди, и на часы было некогда взглянуть.

Так что новость сия меня удивила и опечалила.

...Вторая версия гласила, что на меня сердится домовый.

Сердится за то, что в доме много ссор и грязи.

Положа руку на сердце, я честно признала – да, ссоры есть. А у кого их нет? Но ведь потом мы обязательно миримся!

Да и ссоримся-то – без фанатизма...

Может, просто мой домовый – тонкая чувствительная натура?

Кто знает, может, он достался мне по наследству от семьи, где абсолютно все говорили полусшепотом, и теперь от наших эмоций у него мигрень?

Что касается беспорядка, это да, живем мы творчески, вдохновенно.

Из разряда «если мне понадобится ручка, я точно знаю – где она лежит: так что просто подниму холодильник и возьму ее»

Семья с детьми по умолчанию не живет в стерильном безжизненном порядке.

У нас уютненько валяются игрушки, фломастеры, конструкторы: если наступить, добавляется массажный эффект для ног.

В-общем, я пообещала домовому, что приму замечания к сведению, и приступила к третьей версии.

Согласно ей время, отпущенное мне для каких-то важных свершений, истекало.

Мне намекали, что следует поторопиться и -таки сделать то, что положено мне судьбой здесь и сейчас.

В этом месте я совсем глубоко задумалась, чуть не глотнув

воды с гуашью от детского рисования вместо своего кофе.

Как понять, какое из отложенных свершений – то самое?

Сколько их, проектов, которые ждут своего воплощения, у каждого из нас?

И что теперь, часами кидаться?

Дело принимало серьезный оборот.

Колесо Сансары, вращаясь, приближалось ко мне с самыми серьезными намерениями, а Шива-монтаж закрылся на обед.

...четвертая версия была простой.

Не пробовали ли вы, мадам, использовать надежные качественные дюбеля и современные технологии?

Снова в точку.

Муж зовет меня термитом.

Когда миленькая фоторамочка просится на стену, я беру

саморез, вкручиваю его (в этом месте мужчины морщатся, как от пенопласта по стеклу) прямо в штукатурку и вешаю фотографию.

Так быстрее, правда.

Однажды мы убили целый вечер. Вечер с заходом на ночь.

На разметку стены под фото и развеску фотографий.

Энергии, с которой мы в три личности договаривались, что в каком порядке и на какой высоте висит, а потом сверлили, держали, подавали и вешали, наверное, хватило бы на небольшую электростанцию.

Пресловутые часы я вешала сама. Своим варварским способом...

Какая из версий понравилась вам?

Подружка тогда меня высмеяла со своей глубоко практичной колокольни.

Ее все эти чудеса нисколько не впечатлили.

И она имеет полное право на свое мнение. Как и я.

...Мой любимый вопрос из детства – а чем все кончилось?

У истории есть продолжение.

Вселенная разговаривает с каждым из нас.

Она говорит на том языке, который мы понимаем.

Я перевесила часы, сделала генеральную уборку и сходила на тренинг личностного роста, куда давно звала меня подруга.

Там не было войн и домовых, как и волшебных палочек, гипноза и сверхлюдей.

Я вдруг поняла, как много лишнего в моей жизни, и что я себя вообще не знаю.

Вспомнила, как здорово радоваться и жить на все сто.

Встретила удивительных людей. И много еще чего изменилось.

А если бы часы не шмякнулись на комод, может быть, и не было бы этого яркого куска моей жизни.

Я же говорю – нам говорят на том языке, который мы понимаем...

МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

С чего начинаются мужчины? И когда это происходит?

В моем классе был туристический кружок.

Его вёл папа нашей одноклассницы, учитель химии, замечательный дядька.

Мы бегали по парку с картами и глицериновыми компасами, соревнуясь в ориентировании.

Сходили в несколько походов.

После походов была полоса препятствий. Она запомнилась как самое трудное.

Надо было соревноваться с другими командами: взбираться по отвесному берегу, держась за верёвку. Перепрыгивать яму, вися на канате как Тарзан.

Зажигать костёр на время.

Таких заданий был целый комплект, они выполнялись командой, команды соревновались, кто быстрее и круче, и конечно же, мы все психовали.

Каждому хотелось всех уделать и стать первыми.

Ловкость, спортивность и выносливость никогда не были моими сильными сторонами, так что по канату на обрыв я залезла легко, а во всех остальных препятствиях благополучно позорилась, вызывая крики пацанов:

– Нуууу, Лукьяшка, зачем мы тебя взяли!!?

Перед самым финишем тропа, по которой мы, потные и пыльные, неслись из последних сил, круто пошла вверх.

И тут я лично поняла, что умру вот прямо сейчас и не надо мне никакого первого места.

И нас таких оказалось двое девчух и дальше бежать мы не могли, а могли только сопеть на весь лес....

И тут Димка, хапнув каждую их нас за руку, понесся вперёд как локомотив, а трудная тропа исчезла под ногами за три секунды.

Мы только успевали переставлять уставшие конечности...

Первое место мы не заняли, оно досталось бывалым, старше нас.

Поворчали, потрындели в своей кучке, что мы все равно сила, а уж в следующий раз всем покажем (слышь, Лукьянова, чтобы готовилась!)

Но это было такое моё личное открытие! Вот ведь они как мужики – совершают свои подвиги! Это Ж как надо.... Вообще! Офигеть...

Я всю свою жизнь знаю, что настоящие мужчины – есть, и всю свою жизнь вижу этому подтверждение. Это был очень яркий и, наверное, первый такой случай.

А самое главное – не последний.

ПАПА

Папа не ходил как все люди.

Он летел над землёй семимильными шагами и сзади развевался плащ.

Плащ не поспевал за папой.

Его никто не мог догнать.

И я в том числе.

Остановка завязать шнурок равнялась полной потере объекта.

Порой я бежала как на физкультуре, но даже поравняться с ним не получалось.

Он мог еще и запеть на ходу.

Неукротимый, всегда минимум на трех работах, вскакивающий в пять и засыпающий под моё пианино рядом с пособием по внутренним болезням.

Любящий сладости и пирожки, как ребёнок.

Упрямый и ранимый.

Его обожали бабушки нашего района и окрестных деревень. Ведь он не просто выписывал им лекарства, а находил минутку поговорить.

Он всех лечил с энтузиазмом и не только в рабочее время.

Например, вылечил соседа по подъезду от бесплодия, и у того родилась дочка...

Постепенно я научилась ходить так же быстро, даже не задыхаясь при этом.

Кавалеры на свиданиях хватали меня за рукав, тщетно пытаясь замедлить мою целеустремленную рысь

Чтобы со мной познакомиться, надо было ещё меня догнать

Да и сейчас, на пятом десятке -

Я лечу над асфальтом и кайфую. А иногда и пою.

Недавно, совершая очередной марш-бросок с собакой, погрузившись в свои мысли, я случайно обернулась.

Мой пёс пИсал на ходу, подпрыгивая на одной задней без единого слова упрека

Папе уже за 70. Инвалидность. Домашняя размеренная жизнь.

Быстрый шаг остался позади. Но он все так же безусловно любит своих близких и дорогих.

А бегать... Папа, я приняла у тебя эстафету.

Надеюсь, получится так же сильно и безусловно любить....

А дальше – ты знаешь. Я люблю тебя, папочка.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Я увидела у Люды блокнот.

Стихи, написанные от руки.

Картинки нарисованные. Чёрные слезы на девушке, топленая свечка на столе, проволока колючая...

Тогда модно было собирать песни, интересные стихотворения, цитаты. Украшать – рамочки, цветочки...

Но Люда просто ответила:

– Я сама написала. – И дала почитать.

Меня от впечатлений буквально разорвало пополам. Моя ровесница!!

По урокам литературы я представляла, как великие дарования выращиваются матушками, нянюшками, гувернерами, высокоинтеллигентной средой где-нибудь в Питере.

Их тетешкают гениальные художники или композиторы. Катают на ноге драматурги.

Немного после пелёнок дарования начинают печататься и тут же получают оглушительный успех.

В ауре славы и известности, в пене драматических страстей и трагических событий они курсируют между Парижем, Веной и Петербургом, пишут письма на французском и даже умирают как-то особенно, не как обыватели.

Все это было из других эпох и очень, очень далеко от перестроечного Ульяновска и наших 15-16 лет.

Стихи в основном были про любовь. Нет, а что вы хотите?..

Поскольку все мы немножко обезьянки, я тоже решила пробовать.

В своих первых опусах, как водится, ездила по "свечи-плечи, очи-ночи", "любовь-кровь", куда ж без них...

Не думала тогда, что мы тоже живём среди драматических событий. А они были, так сказать, онлайн. Перестройка проехала по всем тяжёлым катком. Да и не только она.

Мы давно выросли. За плечами десятилетия. Дети. Разные города.

Люда, как мне кажется, мало меняется. Добрая, женственная, гостеприимная. Не знаю, пишет ли сейчас.

А мои стихи всегда со мной.

НА НЕВЕДОМУЮ ЗЕМЛЮ...

Баба Даша была неграмотной.

Не могла ни прочитать, ни написать ни одного слова.

Но она молилась.

Утром, вечером, перед едой, после еды, на сон грядущий...

Глупый ребёнок брежневского застоя, я с любопытством спрашивала:

– Бабуль, зачем ты это делаешь? Ведь Бога же нет.

Бабушка непонятно смотрела на меня и молчала.

И снова молилась.

Бабушка жила на Урале.

Там у неё были и коровы, и поросята, и куры. Дом, хозяйство, восемь детей.

И если бы выжили все рождённые, было бы четырнадцать...

Бабушка никогда и никому не жаловалась.

Редко я слышала от неё какие-то детали типа катания с гор на навозных лепешках. Потом мы с упоением обсуждали это с подружками в школе.

-Вы поняли, да? На коровьих какашках! Водой их поливали! Ехали на них с горы высокой!

– Так они разваливались же, наверное!

-И колготок никто не носил! Зимой, с голыми ногами!

– А у меня бабушка тоже так ходила!

Моя бабушка была строгой, никогда не сюсюкала с нами, внучками.

Не задаривала, не закармливала.

Но я была закутана в её любовь, как в тёплый платок.

Когда она умерла, я была школьницей. Шёл учебный и рабочий год.

На похороны ездил только папа...

Мне кажется, что где-то очень далеко, куда невозможно доехать земным транспортом, лежит земля, не обозначенная ни на каких картах.

Туда переезжают, как будто поближе к морю.

А на самом деле поближе к Богу.

Там ушедшие близкие, любящие и тёплые, ждут нескорой встречи с нами. И молятся за нас, чтобы подольше ждать, и чтобы мы не переехали слишком поспешно.

Я сильно выросла и поменялась.

Кажется, ничто не напоминает ту первоклашку.

Уж сейчас я бы сказала:

– Бабуль, Бог есть. Я теперь знаю.

И, хотя я, да и весь мир вокруг изменились до неузнаваемости, бабушкина любовь как тёплый платок по-прежнему греет меня.

И моя любовь тоже никуда не делась.

Она, как телеграмма, летает туда, на неведомую землю....

УХОДЯЩАЯ ЭПОХА

Моей бабушке – 95.

Как она говорит про себя, – остался только один нормально функционирующий орган. Это мозг.

Всю жизнь она собирает и записывает стихи, и читает их на всех семейных собраниях.

Наизусть. Пачками. До сих пор.

Так что не рассказывайте мне про возрастные изменения, склероз и маразм, хорошо?

Только она может сказать:

– Было давление, не могла встать. Перечитала всего Тургенева.

Бабушка передвигается с трудом, но сама.

Прошлым летом я спалила ее на лавочке у подъезда, где она тусовалась с бабушками помладше.

Лет в девяносто, когда мы боялись на нее дыхнуть, бабушка умчалась на такси с ветеранами праздновать очередную годовщину Великой Победы.

И мы поняли, что бояться бесполезно.

Как-то на бабушкиной кухне мама с удивлением обнаружила невесть как оказавшихся там школьников.

Бабушка поила их чаем, рассказывала о войне и задавала каверзные вопросы типа: какая столица у Грузии и куда все-таки впадает Волга.

Непостижимым образом школьники и бабушка нашли

друг друга и стали дружить.

Без рекламы, сетей, телефонных звонков, чисто сарафанное радио.

Так тоже можно, как выяснилось! Респект моей бабушке.

Ее отца, моего прадеда, расстреляли по доносу в сталинские времена. Сосед позарился на их дом...

Из большой семьи только бабушка получила высшее образование.

На следующее утро после ее школьного выпускного началась война.

Она копала окопы в тридцатиградусный мороз в легких сатиновых штанах и обморозила ноги.

Ела хлеб из травы. Ждала с фронта любимого.

До сих пор дружит с его ветеранами. С теми, кто еще жив.

Его ветераны – это дедушкины друзья, воевавшие, как и он, живущие в Ульяновске.

Бабушка пережила несколько исторических эпох.

Она жила при Сталине, при Хрущеве, при Брежнев.

Жила с перестройку при Горбачеве и Ельцине, Живет сейчас при Путине.

Господи, сколько лидеров сменилось!

А бабушка не меняется.

Ее ласковые руки, ее доброе сердце, золотой характер и глубокая мудрость – вот настоящие сокровища семьи!

Ни грамма озлобленности, ни тени жалобы – она живет и любит жизнь.

Современные «о Боже, все пропало, он не купил мне айфон, меня не любят» бабушка никогда не поймет.

Ей отсутствие практически всех жизненных благ и комфорта не помешало вырастить троих детей и во всем поддерживать мужа.

Работать, работать, работать – и любить, любить, любить!

Она все про всех нас знает и молится за всех нас.

Моя бабушка. Прабабушка моих детей. Уходящая эпоха...

ДЕДУНЬ.

Каждый год 9 мая я обливаюсь слезами во время парада.

Потому что в рядах бравых солдат я вижу его.

Он живой, молодой, полный сил и патриотизма.

Он прошёл всю эту страшную дорогу войны и вернулся – победителем!

Но война останется жить в нём всю жизнь.

Как клеймо, выжженое огнём.

Всю жизнь. До самой смерти.

Как основной лейтмотив всех воспоминаний.

Много лет спустя, при встречах с боевыми товарищами,

уже старичками – тем же бесстрашием и задором будут гореть их глаза.

Так же не властен будет над ними возраст.

Он ещё будет поднимать страну, вырастит детей и дождётся внуков и правнучку.

Он перенесёт много ударов судьбы и не сломается.

Ни когда по хрущевской реформе будет уволен из войск и лишён дела жизни.

Когда он будет пить, а потом остановится – слышите? без кодирования и психологов скажет себе «стоп».

И больше никогда. Ни капли.

И начнёт все заново.

Ни когда на его глазах распадется страна и загнется любимая партия.

Ни в смутные времена перемены веков, игры в капитализм.

Он будет жить и идти вперёд.

Заботиться о жене, о детях, о внуках.

И в его жизни каждый год будет один день.

Важнее Нового года.

Важнее дня рождения.

День Победы.

В этот день, красивый, подтянутый, во всех наградах, он будет на параде.

За орденами и медалями не будет видно кителя.

Цветы.

Телевизор, весь день транслирующий праздничное шествие.

Песня Лещенко.

Старые фильмы о войне.

Все эти сегодняшние наклейки на машинах, гимнастерки и пилотки, муляжовые автоматы, флаги в размер билборда, крики и бибиканья – все это не имеет к нему никакого отношения.

Этот мир уже не имеет к нему отношения.

Он успел уйти до появления войны на Украине, до возвращения фашизма, против которого сражался.

Но есть место, где мой любимый дед всегда будет жив. Это – парад 9 мая.

И пока мы помним – они все Живы...

ДЕНЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

Давным-давно на день всех влюбленных мы пошли в кино.

Ночной показ «Ромео и Джульетты», где играл Ди Каприо.

Помню, сидела в полутемном зале и думала – как будто нарочно выковываются прямо из воздуха эти острые моменты, эти каждоминутные драмы.

Как прям пишет кто-то, невидимый небесный сценарист.

Как юношеский максимализм бьет из всех щелей.

Оно конечно: было ей 13 годиков, было 14 ему.

Но ведь препятствия и испытания никто не отменял, скидок на возраст нет, ни в одном возрасте причем.

Может, поэтому так трудно оставаться влюбленным долгое время, годы и целую жизнь.

Трудно от слова труд.

Последнее время я начала спокойно относиться к февральскому празднику.

Он как напоминалка – эй, ты влюблена в этого человека!

Как уведомление в контакте о мероприятии: сегодня состоится встреча любителей ежей, медитация в кругу боксеров...

Сегодня у тебя день влюбленных, дресс-код как полагается. Сердечки попками, романтические идеи, распахнутые глаза и обнимающие руки...

Завтра можно снова скучать и ворчать, в халате хмуриться над раковиной. Перепираться и вредничать.

Это как 23 февраля вдруг осеняет мысль, что давненько не дарила мужу носков, ибо он защитник отечества, а делать это без носков негоже.

Или 8 марта – день чтобы вспомнить о том, что существо рядом – женщина, и ее срочно надо задобрить мимозой, а лучше бриллиантами, чтобы стихия не разбушевалась и не снесла все на своем пути.

Так что почему-то день влюбленных настигает меня в другие дни.

Например, в будний понедельник, когда я пробиваю колесо.

И через десять минут мой хмурый принц на забрызганном реагентами коне, бросив все рабочие неотложные дела, прилетает и, выразительно посмотрев на меня сложносочиненным взглядом (так смотрят на Венеру – красивая, но ей бы еще руки отбить), буксирует в сервис мою ласточку, и уже через полчаса я лечу дальше.

Или когда мой законный Колумб возвращается из командировки, открыв все Анадыреамерики.

И я, толком не спящая несколько ночей, ходящая по сумеркам дозором с двустволкой под мышкой и временно исполняющая обязанности вожака стаи, радуюсь и засыпаю в надежном и безопасном пространстве.

Или когда, вот прямо абсолютно без повода, звучит «Я люблю тебя».

А я ненакрашенная и в халате. И вместо романтического

трека за кадром дерутся дети.

В одном интервью с Лолитой я прочитала, что для нее любовь – это когда люди вместе, потому что они приняли такое решение, выбрали друг друга.

И тогда ни трудности, ни болезни, ни искушения не способны им навредить.

Такое влюблен по собственному желанию.

Люди, я желаю всем любви! Говорят, это – просто...

Только сердце активировать.

КЛАРА

Есть люди, которые проносятся по твоей жизни кометой и исчезают в соседней галактике.

Но они оставляют в сердце яркий свет, и этот кометный хвост может согреть и освещать путь еще долго-долго.

Нет, вы не видите, не звоните, не стремитесь к общению.

Живя в разных мирах, не соприкасаетесь днями и жизнями.

Но этот кометный хвост – так ярко!...

Эта женщина для меня – произведение искусства.

Воплощённое Вдохновение. Муза.

Такое чувство, что в какой-то миг открылась дверь из параллельной вселенной – и вошла она...

Те, кто хоть раз попал в её поле, хоть раз слышал, как она живочитает стихи, хоть раз читал стихи с ней, сейчас хором кричат : "Дааааа!"

Это необыкновенно острое ощущение волшебства. Гипноз. Музыка поэзии.

Как крыса при звуках дудочки, я замороженно застывала на месте и готова была слушать, слушать, слушать...

Клара не вела пары, как другие преподаватели.

Она читала курсы.

И это были не всеобязательные умнящие дисциплины, а сценическое действо со всеми вытекающими.

Клара Борисовна заходила в кабинет и приносила с собой атмосферу.

Атмосфера неспешно растекалась по помещению и обволакивала каждого студента, даже если он ещё не успел проснуться.

Погруженная в невидимый нам мир, сосредоточенная и одухотворенная, шурша длинной юбкой, Клара начинала таинственные приготовления.

Завешивала окна, настраивала проектор.

Стелила на обычную парту простую скатерть.

Глиняная чашка. Свеча. Яблоко.

И, неуловимо похожая сразу на всех женщин Грузии, начинала рассказывать о Нико Пиросмани.

Казалось, сам Нико в этот миг неслышно проникал сквозь стены, присаживался за свободную парту и внимательно слушал Клару...

... В тот день в кабинет неожиданно ввалился наш легендарный Владимир Михайлович (вы его знаете, а я ещё о нем напишу).

Он окинул кабинет взглядом полководца, оценивающего численность и боевой дух войск и отверз уста.

Наравне с былиной об Илье Муромце я поставила бы повествование о наших гнилушках, которые светятся в педерастах на музфаке.

Мы слышали его каждый божий год со всех возможных сцен, и знали наизусть.

Длиться сие повествование могло и 20, и 40 минут. Главное, чтобы не пошло на второй круг.

Не подумайте, мы любили декана и тепло вспоминаем его до сих пор.

Это была всего лишь маленькая фишка мощного талантливого человека.

Обычно все дослушивали до конца, улыбаясь и переглядываясь.

Гнилушки, если хотите, стали некой визиткой музфака.

В тот день, первый и единственный на моей памяти раз, все пошло не так.

Диссонанс исказил намоленное пространство. Вспугнутый Пиросмани еле успел укрыться за шторой. Мы дружно вздохнули и приготовились к неизбежному.

Клара Борисовна не произнесла ни слова. Только черты

лица как будто заострились.

Молча начала она разбирать экспозицию.

Легко и стремительно сгребла чашку, яблоко и свечку в скатерть. Сняла затемнение.

Бесшумно скользя по кабинету, она не уронила ни слова, ни взгляда.

Только юбка на поворотах свистела, как пуля, не успевая за хозяйкой.

Это было удивительно. Потому что наш грозный декан вдруг начал сбиваться с мысли, забывать слова и в конце концов бочком вышел из кабинета и плотно закрыл за собой дверь. Всё явление заняло минут пять, не больше.

В свистящей тишине мы смущённо потянулись к выходу, произнося традиционное "до свидания, Клара Борисовна" почему-то шёпотом, оставляя в кабинете Клару вдвоём с Нико...

Прошло два десятилетия, а картинка такая же яркая.
И все так же я люблю и восхищаюсь.

АУФТАКТ

Как же здорово быть студентом!

Оно согревает потом всю жизнь – веселье и тепло тех лет.

Каждый год на студенческих собраниях звучала тема гнилушек.

Все мы до поступления сюда успели переслушать много разной музыки.

Известно, что в любом музыкальном произведении есть тема. Основная, побочная, заключительная.

В операх, балетах так вообще этих тем много.

Тема любви, тема вражды, тема Родины...

Тема гнилушек на наших собраниях звучала неизменно.

Что-то вроде: да, мы живём в гнилушках. Но гнилушки наши светятся!

Вроде того: наш музфак обветшал, но все равно крут.

Тема обрамлялась патриотическими спичами о расцвете Самары и величии России.

Солировал наш декан, Владимир Михайлович.

Человек небывалого масштаба и темперамента, с неперечислимым количеством регалий.

Личность с большой буквы с десятью восклицательными знаками.

Мы слушали, улыбались и некоторым образом светились отраженным от гнилушек светом.

Наизусть знали запев , припев и коду.

Были в курсе, что все может пойти на второй круг, что означало плюс 20 минут.

Прогульщики спрашивали потом – ну что, гнилушки все светятся? —на что получали благодушный ответ:

– Светятся, а что им будет.

Каждый год в филармонии мы пели "Крылатые качели".

Со всего города собирали хоры.

Хористы в концертной форме торчали во всех проходах,

на всех галерках под присмотром хормейстеров

Когда наступал момент икс, в сотни ртов на сотни голосов мы выдавали на гора песню Крылатова.

Дирижировал нами всеми Владимир Михайлович.

Он, казалось, держал в своих дирижерских объятиях весь город, небо, Землю... Масштабными жестами отправлял он нам флюиды музыки и порывивал в особенно важных значимых местах.

Он сразу всех предупреждал, что молча дирижировать не умеет.

На всякий случай мы пели погромче, чтобы не палить декана.

На третьем курсе я пошла работать концертмейстером в родном институте.

Нигде после не было мне так тепло и по-домашнему, как здесь.

Довелось попасть в класс дирижирования к Владимиру Михайловичу.

Здесь каждому надо было пройти боевое крещение ауфтактом.

Радостный благоговеющий первокурсник робко топтался перед самым громовержцем.

– Что такое ауфтакт? —звучал вопрос и я заранее сжималась на своём стуле у инструмента.

В ответе должен был прозвучать буквально перевод части слова "ауф" – в, на, перед.

Но студенческий ребёнок этого не знал.

Счастливо улыбаясь легкому вопросу, ответчик начинал рассказывать суть явления СВОИМИ СЛОВАМИ ПО-РУССКИ...

Но вновь натыкался на вопрос:

– Что такое АУФТАКТ??

Над студентом начинали сгущаться тучи.

Запинаясь, на всякий случай меняя слова местами, новобранец дирижирования повторял ещё раз то, чему его учили до вуза.

-ЧТО ТАКОЕ АУФТАКТ?!?!?! – гремел на весь кабинет гром.

На декана было страшно смотреть.

Багровея и трудно дыша, сурово нахмурившись и мечта взглядом молнии, он, из последних сил сдерживаясь, повторял злосчастный вопрос.

Студент неслышно начинал оползать по стеночке и больше всего желал провалиться сквозь землю или телепортироваться на другой конец города.

Всё это время я жалась на своём стуле, не в силах помочь несчастному. Или несчастной.

Наконец на предельном фортиссимо раздавался правильный ответ:

– Ауф!! В!!! На!!!! Перед!!!!!!

Гром внезапно утихал и громовержец усталым жестом отсылал студента на временную передышку.

По разнообразию эмоций и состояний такой урок ничуть не уступал Шекспировским страстям.

Старшаки, кстати, на тот же вопрос, не моргнув глазом, сообщали точный перевод, и декан лишь удовлетворённо кивал в ответ.

А потом лет через пятнадцать мы с школьным хором приехали на конкурс.

Подкравшись к залу, дабы оценить возможное время ожидания, мы с хормейстером увидели на сцене взрослый хор, а перед хором несколько не изменившийся, абсолютно непотопляемый, Владимир Михайлович вещал о нашем городе, о патриотизме, о России и русской душе, и уже было показались гнилушки...

Таким родным, тёплым, давно забытым и давно не слышанным пахло от этого монолога!

Когда мы допели и наш хор уходил со сцены, я, удивляясь

своей наглости, подошла к столу жюри и расцеловала своего декана.

В следующий раз я увидела его на параде 9 мая.

Подтянутый, красивый, во фраке, Владимир Михайлович дирижировал объединённым хором.

На площади было полно артистов, хореографы танцевали, показывались картины войны, ехали телеги и боевые машины, стелился дым...

Внезапно в какой-то момент главный дирижёр развернулся и пошёл через площадь, сквозь строй танцоров, удачно огибавших его своими линиями, сквозь дым, сквозь артистов к Оперному, дирижируя всем этим действием, трибунами, весенними деревьями, улицами и домами, природными стихиями.....

Таким он и сейчас стоит перед глазами.

ЛЮБИТЕ...

Я не помню, с чего все это началось.

Кажется, однажды мне в глаза бросилось морюшко негатива и плескануло в самую физиономию.

Ну, вот задумайтесь – сколько всего мы слышим на протяжении дня.

Страну разворовали, кругом дебилы, работать никто не хочет...

Можно, я дальше не буду перечислять?

Мы не умеем видеть хорошее и выбирать из своего дня именно эти, счастливые зернышки...

Сейчас, наверное, уже никто не перебирает гречку.

А в моем детстве она была грязная, с какими-то палочками, с чёрными вкраплениями.

Мама сыпала стакан на стол и начиналась тренировка терпения...

Ручками, ручками чёрные большие крупинки выбирались и отправлялись в мусорное ведро.

Зато потом греча была чистая, и на зубах ничего не хрустело.

И теперь мне важно, чтобы каждый мой день не хрустел на зубах.

Важно помнить, как много хороших, добрых, щедрых и открытых людей рядом.

Важно отправить в мусор все то, что мешает жить с радостью.

И, когда меня пытаются накормить блюдом "о, как все плохо", я не хочу его есть.

Но ведь это же не значит, что окружающий мир прям по моей команде заткнется, и такой помчится создавать позитив, правда?

Однажды в дружеском споре один очень мудрый и разносторонний человек спросил меня:

– Неужели тебя вообще не волнует, чья рука лежит на красной кнопке мировой войны и всеобщего п...деца?

А меня вот правда не волнует этот вопрос.

Я вряд ли когда-либо вообще увижу этого кнопочного

злодея, не говоря уже о том, чтобы его хмммм...наказать.

Но я могу любить. Тех, кто рядом.

Я могу учиться радоваться в любой жизненной жопе.

Говорят, Бог есть любовь.

В свете этого все существующие разногласия меркнут.

Потому что ты всегда чётко знаешь – с любовью ты сейчас поступил или нет.

И я точно знаю, что

А. Мой голос важен

и

Б. Я такая совсем даже не одна

Кажется, Мария Тереза сказала: если вы хотите изменить мир, идите домой и любите своих близких.

ЛЮБИТЕ...

Короче, есть чем заняться, правда?

САША, САНЯ, ШУРА, БРО

25 лет назад все началось со статуса «соседи по студенчеству».

Тогда Сашка был тощий, как велосипед, воспитанный до неприличия бывшедомашний мальчик.

Мы жили в тринадцатой комнате, пацаны – в четырнадцатой.

Целый кусок жизни прошёл на глазах друг у друга.

Мы все стреляли сахар и спички, угощали чаем и вином,

заходили на кабачки и кормили картофаном.

Бурно спорили о жизни, любви и других категориях – тем бурнее, чем меньше понимали в вопросе.

На 1 курсе у меня появился кавалер, колоритный во всех отношениях.

Ниже ростом, в очочках, бросаясь то в суицид, то в агрессию, он картавил и кривил губу как Сталлоне.

Как говорится, повезло так повезло 🤔

Четырнадцатая тактично держала свои впечатления при себе, но тут...

Прекрасным сессионным вечером мой воздыхатель явился к пацанам, сидел, пил и кричал "Мог'ду надо ей бить, мог'ду!"

Когда мордобитец достиг кондиции, а ангельское терпение мальчишек закончилось, мы с Сашей пошли провожать горе-ухажера.

Стояла тёплая летняя ночь.

ПраСталлоне нетвердо вилял по ущербному тротуару, за-
носясь то к проезжей части, то к домам, оглашая окрестно-
сти перечислением моих злодеяний.

Я шагала рядом, то и дело отпрыгивая от дороги, а сзади,
чуть расставив длинные руки, словно собираясь всех нас об-
нять, меня страховал Сашка.

Когда нетрезвый кавалер растаял в сумерках, в лучших
традициях дешёвой мелодрамы на прощание вложив мне в
руку памятный сувенир, мы поплелись обратно.

Оглядываясь каждые пять минут.

Сейчас смешно вспоминать, но тогда – это был трэш...

Тогда после бессонной ночи было принято молниеносное
решение «рвать когти», и вопрос был закрыт в-общем-то раз
и навсегда.

Любитель аффектов появлялся пару раз, но уже как-то
неярко, стесненно и неловко.

Конфуз вошел в историю.

До сих пор очевидцы помнят эту "мог'ду"

На третьем курсе Сашка увлекся айкидо.

Погрузился с головой в увлекательный мир кимоно и философий.

Взял с собой на тренировку.

Ярко помню, как ловко юноши и девушки в белых кимоно шеренгами кувыркались друг через друга.

Саша же долгое время занимался, прикупил деревянный меч и как-то очень вкусно рассказывал – какие ощущения, какие ситуации.

Какие люди туда ходят.

На последнем курсе Шура с компанией был жестоко напоен на набережной нашим деканом, легендарным Вощем.

Близился выпускной, в крови бродила грядущая свобода и взрослая жизнь, плюс мы никогда не избегали, пардон, халявы...

Воц за свою жизнь решил миллион вопросов, и весь миллион – с помощью алкоголя.

Уработав вусмерть худых голодных нестойких к алкоделам мальчишек, он упорхнул допивать дальше.

А пацаны, с трудом добравшись до общаги, сутки лежали в безвариантном горизонте, стена и охая...

Армия для Сашки прошла в военном хоре. В армии хористы назывались «хорьки»...

Спустя годы можно смело сказать – никто из нас не избежал искушений и испытаний.

Но мы нашлись, мы живем и радуемся – и мы не потерялись.

Я свидетель хеппиэнда, и передо мной взрослый мужчина-шоумен, состоявшийся и в семейной жизни.

Все слава Богу.

А я благодарна судьбе за эту студенческую дружбу, которая не ржавеет.

ВОЛШЕБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Воскресенье было просто волшебным!

Октябрь перед прыжком в ненастье решил шикануть и подарить, как дорогое манто, этот тёплый сияющий день.

Мужчина моей жизни романтично предложил прогуляться по лесу семьёй, и мы, упаковавшись в авто, отбыли на встречу природе.

До заката оставалось часа четыре.

Хотелось упасть под золотыми деревьями в кресло-качалку, умотаться уютным пледиком и пить вкусный чай с травами, глядя на мерцающую гладь воды...

И меня нисколько не насторожило мелькнувшее название "пещера братьев Гриви".

Высадившись в посёлке, мы двинулись навстречу новому.

Это было не так легко, потому как малой в машине придремал и теперь отказывался двигаться к новому не у мамы на руках, а лестница без некоторых ступенек и козья тропа в корнях и прелой листве не обещали лёгкой жизни.

Тут же выяснилось, что вместо леса имеется хилый кусочек суши у воды, весь в булыжниках и валунах, и способ передвижения аки горная коза – единственный вариант.

На прибрежных деревьях роились осы.

Плескала вода.

Мимо плюхали рыбацкие лодки, и рыбаки подозрительно косились на странную семейку, ползающую по камням.

Этого нам показалось мало, и мы полезли на гору по дну оврага.

Если бы листья мерили как снег, я бы сказала, что там была месячная норма осадков.

Они шуршали и топили в себе кроссовки.

На краю показалась тропка и подмигнула нам кокетливо.

Мы тут же повелись и полезли по крутому склону все вы-

ше и выше.

Задыхаясь и обливаясь потом, мы приверженно продолжали романтически путешествовать.

И чудо, конечно же, случилось – мы выбрали на дорогу. Не асфальт, но вполне себе.

Величайшее изобретение – карты гугл- услужливо сообщило, что слева капище бога Велеса, а справа – кладбище венгерских военнопленных.

О таком я даже мечтать не могла!

Лес вокруг чернел сырыми стволами.

Вот уж про кого можно было сказать " не просыхает" ...

Солнце садилось.

Все хотели чаю и поесть.

Чай не в гамаке, а на поваленном дереве, все равно остался чаем. Вкусным.

Муж ел консерву ножом.

Сын лопал шоколад большими кусками.

Другой заедал рыбу пастилой.

Мы были похожи на изголодавшихся енотов, случайно нашедших посылку с едой.

Потом мы ещё около часа брели по лесу и по дороге.

Табличка в лесу гласила, что мы гуляем по заповеднику "Соколы горы".

Горы валежника здесь были просто невероятные.

В таких местах, наверное, хорошо снимать мистику, битву экстрасенсов какую-нибудь.

В сумерках добравшись до верной машины, дремавшей в переулке, мы двинули домой.

Младшие еноты тут же уснули.

Когда мы шли вниз к машине мимо ручьев и водопада (и даа, там ещё и водопад!), нас обнимал тёплый летний вечер.

Он словно говорил – все будет хорошо, я вернусь после зимы....

В машине я размышляла.

Почему-то получается, что элемент экстрима в моей жизни постоянно врывается в мои грёзы и рвёт все шаблоны.

И врывается в-основном через мужчину жизни моей.

Но почему-то, понегодовав и повозмущавшись, я вспоминаю все это безобразие как что-то яркое, прикольное и свежее – и начинаю нежно скучать...

Ладно муж. Он питается экстримом.

Но, оказывается, я – туда же?....

Да уж, век живи, а все равно ничего не знаешь...

И да. До пещеры братьев Гриви мы так и не дошли.

По ходу, в другой раззззззз.....

ГУМАНОИД

... Когда пришла перестройка, я училась в школе, прибли-

жаясь к старшим классам.

В школе требовали, конечно.

И какие-то предметы я вдруг перестала понимать, помню. Физику вот например.

Ничего не было понятно и из того, что Горбачев говорил по телевизору.

Что-то из разряда:

-Где ты живешь?

– Я хожу в зелёном пальто.

Ничего не было понятно в принципе – в городе, в стране, в истории.

Что ждёт нас в будущем?

Мы все спим или массово сходим с ума?

И тут появились они. Статьи и репортажи.

Про предсказания Ванги и Нострадамуса.

Про детей, владеющих телекинезом и зачем-то вызывающих в своих домах пожар.

Про инопланетян, появившихся под Воронежем. Их видели и описывали как высоких мужиков с ведром на голове.

Тяжесть школьных предметов, напряжение родителей – они не говорили, но мы Ж не дураки и все равно все чувствовали.

Всеобщее подвешенное положение и невозможность услышать внятное объяснение.

Истерика, психоз, выплескивающийся в автобусах и оче-

редях.

И страх. Страх, что происходит что-то вне нашего понимания.

Вон и инопланетяне прилетели, как мухи на то самое. Людей крадут для опытов...

Плюс у меня в классе был... эээ... конфликт. Меня бойкотировали, и это было честно ужасно.

Всё наложилось друг на друга таким слоеным пирогом.

... Отвлекаясь, спрошу. Вы спите на бигуди?

Раньше так делали многие.

Если все это накрутить, да ещё сверху повязать косынку, голова становится огромной и из-под платка почти ничего не видно.

Я почти каждый вечер развлекалась бигудюхами. Дико неудобно спать. Но как приятно поутру потряхнуть локонами и почувствовать себя дивой!

Уснув в бигудевой пытке посреди слоёного пирога всеобщей бушующей неразберихи, ночью я проснулась и увидела ЕГО.

Прям как в газете написали.

Мужик с ведром на голове возле шкафа в двух метрах от меня.

Я замерла. Застыла. Помертвела.

Из-под платка, прижмурившись, пыталась что-то разглядеть.

У него и оружие было по ходу.

Помню несколько стадий из разряда "гнев-торг-депрессия" ...

Интересно, что сначала я пыталась уснуть.

Убедить себя, что если снова уйти в сон, чувак исчезнет сам собой.

Потом делала вид, что не шевелюсь, а в голове был только ужас и вопрос – что делать-то.

Сердце билось уже где-то в горле и, казалось, сейчас выскочит через уши.

В конце концов я заорала. Прибежала мама и включила свет.

Знаете, что это было?

Тень из окна на полированной дверце шкафа плюс мои близорукость и богатое воображение.

С тех пор, когда страшными голосами в газетах, по радио, по телевизору начинают накачивать всеобщий страх, тревожить тени Нострадамуса и Ванги и видеть невидимые миры, я вспоминаю ту тень на шкафу.

Уже и шкафа того нет. С тех пор бахнула ещё пара-тройка кризисов.

А мы живём. И страхи живут – в нашей голове, если мы их кормим.

Все будет хорошо, люди.

Главное – верить в лучшее...

ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Мне купили шапку.

В любые времена люди стремятся быть красивыми.

Тогда все носили формованную норку.

Копили деньги. Шли на рынок, приценивались, придири-

чиво выбирали – и потом берегли красоту.

Жесткую конструкцию следовало хранить на трехлитровой банке, расчесывать щеточкой и не носить в мокрую от-тепельную погоду.

Одна такая до сих пор лежит на дальней полке.

Отдам в музей, как придет время – шучу я в дни шкафных ревизий.

В голодное постперестроечное время прилично одетые люди носили свои шапки с большой осторожностью.

Потому что такую роскошную формовку могли и сорвать, скажем, вечером в немногочисленном месте.

В 90-х это было самое популярное преступление.

Эпидемия «шапочных грабежей» тогда захлестнула всю нашу страну.

Шапки срывали на ходу, а тех, кто сопротивлялся, могли припугнуть или даже избить.

Меховая шапка-формовка была прямо-таки статусным головным убором, значимость которого сегодня можно сравнить с iPhone.

Шапки по тем временам стоили дорого – две, а то и три средние зарплаты.

На такую добычу грабитель мог припеваючи жить несколько недель.

Эля, подружка сестры, как-то попала под раздачу.

Возле дома, в неосвещенном безлюдном проулке на нее напрыгнул парень и рванул норковую шапку с ее головы.

Шапку, на которую долго копили родители, еще совсем новую, блестящую ворсом даже в зимней темноте.

В стрессе Эля успела заметить, что парень тоже в шапке, и недолго думая хапнула эту шапку с его головы.

В ответ. В обмен. Чтобы хотя бы не было так обидно.

Парень убежал, и Эля тоже побежала. Домой.

Дома, в тепле и безопасности, Эля обнаружила, что у нее теперь – две норковые шапки.

Потому что к своей она в свое время пришивала страховочную резиночку. Противоугонную систему, так сказать.

И система сработала. От рывка шапка просто повисла на резинке за спиной, и Эля в пылу стычки с вором ее не заметила.

А незадачливый грабитель был наказан на месте, буквально не отходя от кассы.

Когда мы услышали от Эли эту историю, то радовались как дети.

В проулке между домом и садиком словно воплотился в реальность фильм, где добро побеждает зло, а хорошие люди получают подарки.

Чужая мужская шапка – подарок так себе, но ведь зло было наказано!

На свою шапку я тоже пришивала резинки. Перед выходом из дома и с работы упаковывалась в эту противоугонку: так полицейский одевает кобуру, так пристегивает снаряжение альпинист.

Моя норка была к тому же особенная. Большинство носили коричневые, а у меня была голубая.

В случае расставания замены не было – лет так на несколько.

Однажды утром, на остановке перед переполненным автобусом, я увидела и вовсе драматическую картину: женщина отчаянно запихивала себя в автобус, буквально по сантиметрам.

Тогда в автобусе можно было спать стоя – падать все равно было некуда.

Если спиной к моей спине попадался человек, который кашлял, щекотало в бронхах у меня – такой была взаимодиффузия.

Автобус, в который стремилась женщина и в котором люди уже давно были сплюснуты в самых невероятных положениях, уже десять минут как превзошел свои возможности.

Но ей очень надо было на нем уехать.

В последний момент она вжалась в людей на ступеньках – и двери закрылись за ее спиной, сбив с головы норковую шапку в грязный снег на остановке.

И все увидели на ее голове завязанные тряпочками кудельки – самодельные бигуди такие.

Женщина явно старалась даже в таких условиях быть красивой.

Автобус уехал.

И кто-то, стоя с этой шапкой в руках, спросил вслед – а как же?... Остановка ответила дружно – теперь носи сам.

...Перестройка давно стала расплывчатым туманным прошлым.

Что с того, что несколько лет множество людей жили в тисках обстоятельств, полностью разрушивших все ясное, известное и простое, чем определялась жизнь?

Что все до хрипоты орали на митингах и дома, депутаты дрались в думе, что крики начинались с самого утра по радио и телевизору, что перестройка все равно прошла, СССР развалился и ...

И наступили другие времена.

...Но, если читать хоть что-нибудь из истории, приходишь к простому выводу – все может быть.

Не стоит зарекаться. Ни от чего.

Может, поэтому я и не выкидываю эту старую норковую шапку?

МАТУШКА МАРИЯ

История эта не отпускает меня уже лет двадцать.

Почему-то я ее помню, хотя с тех пор произошел миллион других историй.

На первом курсе она вела у нас полифонию.

Если сравнивать с мультяшными персонажами, простите, я бы сравнила ее с Чебурашкой, милым и добрым, только уже пожилым.

Маленькая, негромкая, просто и скромно одетая, без тени макияжа, абсолютно недемонстративная, и даже кроткая.

Что, впрочем, не помешало ей вклеить мне четверку за год.

В моем красном дипломе их, четверок, всего две – вторая философия.

Студенты всегда ржут и прикалываются, а преподав частенько рассматривают с ноткой снисходительности.

На первом курсе многое казалось забавным.

Чего стоил философ, целый урок из пары распинавшийся о свободе и демократии своих лекций, на которых можно свободно выходить, и чуть ли не есть и пить.

Когда же вдохновленные и убежденные девчонки троицей

потопали за чаем, их остановило громовое «КУДА???»

...Она повела нас в Иверский монастырь.

На ее лекциях мы о вере не разговаривали и никаких проповедей не выслушивали.

Ходила смутная история, что ее прихлопнуло сильное горе, трагическое потрясение.

Что счастье для вас?

Для нее счастьем был ребенок.

Родив для себя девочку, она погрузилась в материнство как в теплое ласковое солнечное море – с головой.

Все было для дочки.

Каких только занятий не было выдуманно, каких только мечт и планов не строилось...

Не знаю точно, что именно случилось.

То ли в школе красили парты, то ли делали прививки –

девочку не спасли.

Жизнь, полная счастья и надежд, закончилась.

На лекциях я порой вглядывалась в кроткое, доброе, усталое лицо.

Оно не светилося безоблачным счастьем, но и следа безумного горя на нем не было...

В Иверском было чистенько, строго, тихо.

90-е годы подходили к концу, храмы возрождались, но честно – тогда меня это волновало мало.

Весна, цветочки, пивной завод через дорогу – было ощущение какого-то сюрра.

А внутри монастыря было очень красиво.

Нам разрешили заглянуть в один из корпусов, похожий на дом культуры – похожие на мрамор ступеньки, витражи из цветных стекол.

С нами разговаривала послушница – обычная молодая девушка чуть старше нас, но будто с другой планеты.

До сих пор помню ее слова про три пути в монастырь.

Один – когда ты не умеешь решать жизненные вопросы и в монастырь приводит тебя беспомощность.

Второй – когда ты много нагрешил и теперь – только замаливать.

Сразу вспомнилась таинственная история о мальчишке из нашей школы, в юности попавшему в плохую компанию: якобы на его глазах происходили ужасные вещи и он как раз ушел в монастырь.

...Третий путь – искренняя любовь к Богу. Таких людей меньше всего...

Глядя в молодое личико послушницы, хотелось спросить – какой же путь привел сюда ее. Она сама сказала, что первый.

В этом удивительном параллельном мире мы провели пару часов.

Это сейчас никого не удивишь святыми местами.

Я же видела настоящий монастырь первый раз жизни.

Наша экскурсия закончилась, но она, распрощавшись с нами, не уходила. Начиналась служба.

Уходя, я обернулась. В дверях сиял солнечный день, бил в глаза радостью.

В храме по сравнению с улицей было темно.

Она стояла и молилась, закрыв глаза.

В свете горящих свечей было видно, как по ее лицу рекой текли слезы...

Я закончила институт и успела в нем поработать. Конечно, мельком сталкивались в коридорах и поздоровавшись, проходили мимо.

Она для меня была каким-то островком из прошлого – прошлого, в котором остались порядочные, глубоко образованные, воспитанные и беспомощные в своей интеллигентности люди.

Наступили другие времена.

Шли годы, нет-нет я вспоминала и думала – что с ней? Жива ли? Или горе и постоянные перемены сделали свое печальное дело?

...Спустя много лет меня неожиданно занесло ветром судьбы а паломническую службу.

Обрабатывая аудиозапись из поездки, я услышала странно знакомый голос.

Матушка монахиня из монастыря вела экскурсию для наших паломников.

По спине поползли мурашки.

Я уже слышала эти интонации, эту четкую дикцию, эту поставленную педагогическую емкую манеру, этот поток информации, где все логично, ярко, образно, полно фактов и дат!

Не выдержав, я спросила, есть ли фотографии матушки, и мне прислали парочку.

Это была она.

С годами она почти не изменилась, только постарела немножко.

Изменилась только одежда – на монашескую – и имя.

Теперь ее звали иначе.

Мир тесен – и очень часто появляются поводы так говорить.

А мне стало легче: я узнала, что горе не раздавило ее. Она обрела опору, обрела свое место в этом мире.

И, если удастся встретиться лично, мне будет что спросить и за что поблагодарить.

Главное – не расплакаться.

ДАР

Перед сном мы вышли погулять. По ночной усталой улице шуршали листья.

Песель бежал рядом, подхалимски заглядывая в глаза и

то и дело порываясь что-нибудь понюхать или сожрать вне зоны поводка.

Пройтись в конце дня вдвоем, не считая собаку – целое свидание для многолетней пары со стажем.

Мы шли, перекидываясь фразами, строили планы на лето, и тут на наших глазах столкнулись две машины.

Как в замедленной съемке мы увидели, как из одной вылетает на асфальт девушка в странном блестящем платье с голой спиной.

Наверное, на дне рождения были, – зачем-то подумала я, – а на улице-то холодно уже!

Из передней двери приора на асфальт вывалился парень, кое-как поднялся и начал тереть колени.

Семерка и приора столкнулись под углом. На обе вазовские ласточки было жалко смотреть.

Муж позвонил 112 и следующие сорок минут общался то с пожарниками, то с полицией, то со скорой, объясняя, где, кто и как.

Две девчонки вышли из семерки и сели прямо на землю под светофором. Сидели в оцепенении и отказывались встать.

Подтянулись зрители, подъехали друзья пострадавших.

Муж, продолжая беседовать со спецслужбами, собирал с дороги крупные обломки, а наш пёсель нервно скулил, волнуясь за хозяина на проезжей части.

Вечер поменял свою окраску.

Мы развернулись и пошли домой, по пути отвечая на вопросы встречных: «А что там случилось?»

– Один на мигающий желтый хотел проскочить, – сказал муж. – А второй тоже торопился.

– Видишь??– ответила я, – нам за рулем тоже надо быть внимательными.

Мир, ранее томно шуршащий листьями, за несколько минут трансформировался в блокбастер, где по всем углам, как ветер, гуляла потенциальная опасность.

Я поймала себя на том, что нервно оглядываюсь и почти слышу тревожную музыку.

Еще дней пять происшествие висело на нашем невидимом новостном экране.

Скачок из расслабленности в холодную воду опасности на наших глазах был молниеносным, и никто у нас не спрашивал, хотели бы мы это видеть или нет.

В такие моменты понимаешь, что ты просто одна из песчинок на огромном пляже, беззащитная перед случайной волной или порывом ветра.

А потом все расплылось в неделях, и мы вновь понеслись,

набирая ход, к своим зовущим маякам.

Через много месяцев случился этот день.

Я ехала за рулем и вдруг поймала мгновение.

Во многих книгах пишут про это здесь и сейчас, умение жить настоящим, про есть только миг между прошлым и будущим...

Но ведь этот миг мы редко замечаем!

Мы спешим, закопавшись в свои устремления, досадуя на мелочи жизни.

Ведь в жизни может быть все круто и глобально, а у меня сейчас – странно, медленно и простецки, несерьезно как-то, – к примеру, думаешь ты, и вдруг –

Нежные веточки в инее над дорогой, веселое весеннее

небо, хотя февраль только начался, и этот Пресли из динамика...

И внезапно, как ушат воды на макушку, сваливается осознание, что все это вокруг – как раз глобальнее некуда.

И именно это – самое важное и крутое.

Потому что это – МГНОВЕНИЕ МОЕЙ ЖИЗНИ...

За этот день я попадала в эту струю аж трижды или четырежды и прямо жмурилась от счастья.

А вечером в гости пришли поломанные невидимым ветром родители и принесли весть, что в нашей большой шумной семье стало одним человеком меньше.

Ветер переменялся и принес горе.

На ее похоронах перед глазами стояла ее свадьба.

Места, где мы проезжали за катафалком, мы больше десяти-

ти лет назад проезжали безбашенным свадебным караваном.

Все это вновь было похоже на скачок между мирами.

Мгновение. По сути, это все, что у нас есть.

Мы не знаем, как сложится дальше и будет ли дальше что-нибудь.

Но мы можем прожить каждое данное нам мгновение на всю катушку.

И куда будет разматываться катушка – в сторону любви, скуки, лени, усталости, ссоры, милосердия, прощения?

Это уж решаем только мы сами.

И да. Не замечала раньше. Любое мгновение – дар.

Даже если дар этот – горький...

И стоит все же ценить эти дары.

Кто знает, сколько нам написано их получить?

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.